

А.А. Бокщанин
ИВ РАН

История Китая в период Мин (1368–1644) в отечественной историографии

История Китая подразделяется как самими китайцами, так и зарубежными исследователями на периоды царствования сменявших друг друга или параллельно существовавших правящих династий. Это традиционное деление было воспринято и российскими китаеоведами, но в 20-е годы XX в. в советском востоковедении возникла неудовлетворенность таким «царистским» подходом. Тем не менее попытки найти другие критерии периодизации исторического прошлого Китая не увенчались успехом, и тому были объективные причины. Во-первых, династийная периодизация сопрягается с глубинными аспектами традиционной китайской культуры. При имевших место с глубокой древности сменах правящих режимов, осуществлявшихся, как правило, с применением силы, возникла необходимость их рационального объяснения и оправдания в глазах современников и потомков. Помимо апелляции к воле Неба – Верховного божества на вооружение была взята разработанная мыслителем Цзоу Янем (305–240 гг. до н.э.) теория борьбы и последовательной смены «пяти стихий», или же «сил» (五德 у дэ), связанных с «пятью первоэлементами» (五行 у син) – землей, деревом, металлом, огнем и водой, в основе чего лежит взаимодействие противоположных космологических сил – Инь и Ян (темного и светлого, мужского и женского и т.д.). В результате династийные периоды стали рассматриваться как отдельные этапы общеисторического процесса (см. подробнее [1, с. 139–140]). Во-вторых, и, как представляется, это наиболее важно для исследователя, традиционное китайское историописание было непосредственно привязано к «династийной» последовательности исторического процесса. Поэтому изучать историю Китая по династийным периодам наиболее удобно, что, естественно, не должно влиять на представления исследователя о целостности пройденного Китаем длительного пути исторического развития. Разумеется также, что история Китая после свержения монархии и связанных с ней порядков после Синьхайской революции 1911 г. требует иной периодизации.

© Бокщанин А.А., 2007

При изучении исследователями различных династийных периодов наибольшее внимание привлекает последний из них – время династии Цин (1644–1911). Свидетельством тому, среди прочего, является осуществляемый в настоящее время в КНР проект создания многотомной (ориентировочно до 30 томов) истории названного периода, а также выход в свет в нашей стране коллективного труда «Новая история Китая» (М., 1972), капитальной работы О.Е. Непомнина «История Китая. Эпоха Цин» (М., 2005) и целого ряда монографий других отечественных ученых. Это вполне закономерно, поскольку именно в этот период наряду с сохранением многих устоявшихся за многие века порядков вызревают те новые явления в жизни китайского государства и общества, которые открывают в XX в. совершенно новую страницу в истории страны. Предшествующему периоду – династии Мин – в его общем и целом уделяется гораздо меньше внимания. Однако следует учитывать, что маньчжурская династия Цин, завоевав Китай, взяла на вооружение очень многие черты и порядки, сложившиеся в предшествующий период Мин. Недаром в китайской исследовательской литературе имеется немало работ, посвященных времени обеих династий (Мин и Цин), как некоему единому этапу в развитии страны.

Об интересе отечественных китаеведов к истории Китая периода Мин свидетельствует перевод на русский язык С. Линовцевым на рубеже XVIII–XIX вв. официально утвержденной китайскими властями «Истории династии Мин» (*Мин ши*), к сожалению так и оставшийся в рукописи. Первые попытки дать обобщающую характеристику отдельным периодам истории Китая, в том числе и периоду Мин, относятся лишь к 20-м годам XX в. Причем этот период характеризовался тогда в контрастном сравнении с предшествующим, когда Китай был завоеван монголами и находился под властью монгольской правящей династии Юань (1271–1368). В частности, К.А. Харнский в изданной в 1927 г. работе «Китай с древнейших времен до наших дней» подходит к оценке периодов Юань и Мин с позиций становления в мировой практике «торгового капитализма». Он пишет: «Юаньский период был, несомненно, периодом роста торгового капитализма. Следующий, Минский период... не был в этом отношении шагом вперед. Наоборот, тогда... произошло движение вспять. Минский период был критическим периодом китайской истории. До него Китай стоял впереди Европы. После него он оказался позади» [2, с. 213]. В связи с этим К.А. Харнский характеризует период Мин как «трагические для Китая столетия», «двести лет гниения» и, наконец, как «худшие годы Китайской империи» (последнее – применительно к концу периода Мин, конец XVI – начало XVII в.; см. [2, с. 218, 229, 233]).

Однако К.А. Харнский оговаривает, что кризисные явления в Китае в период Мин проявились отнюдь не сразу после воцарения новой династии. В годы становления новой династии и особенно в первой четверти XV в., когда предпринимались грандиозные экспедиции китайского флота под руководством Чжэн Хэ, доходившего до Аравии и Африки и «созидавшего империю за морями», еще «ничто не предвещало предстоящего упадка» [2, с. 218]. Наоборот, «к концу первой четверти XX в. Минская империя по внешности процветала. Ее слава гремела от Байкала и Енисея до экватора и

от Японии до Африки. Если бы Китай сумел тогда закрепить свои успехи, он затмил бы Монгольскую империю и императорский Рим и других претендентов на мировое господство. Но он не закрепил своих успехов и закрепить их не мог. А не мог потому, что внутри его была червоточина, которая все расширялась и все больше разъедала его государственный организм... сказывалось растущее разорение крестьян» [2, с. 15–16]. Последнее обуславливалось, по мнению К.А. Харнского, нараставшим перераспределением земли в пользу крупных землевладельцев, сановников и родичей императорского дома, ростом налогового бремени, постепенным разложением правящей верхушки. В частности, одна из глав книги озаглавлена «Мертвые души на троне» и красочно повествует о ничтожности личности многих императоров, занимавших престол в период Мин [2, с. 239–241]. Характерно также, что первый период существования сменившей династии Мин маньчжурской династии Цин (1644–1911) определяется К.А. Харнским как «век могущества Китая» [2, с. 245].

К отмеченным выше оценкам в какой-то степени близка характеристика периода Мин у Г.И. Сафарова, работы которого публиковались в конце 20-х – начале 30-х годов. В его «Очерках по истории Китая» Минский период рассматривается вместе с предшествующим периодом завоевания Китая монголами и правления здесь монгольской династии Юань [3, с. 125–178], но в то же время противопоставлен последнему. В своих работах Г.И. Сафаров исходит из того положения, что в XIII–XIV вв. в Китае наблюдается «торговый подъем, впервые отделивший торговый, купеческий капитал от ростовщического», который господствовал в стране до этого времени в силу господства феодализма в земельных отношениях [4, с. 268]. «При монголах, – как считает автор, – впервые (в истории Китая. – А.Б.) ремесло приобрело независимый рынок сбыта, внешний рынок. До сих пор оно работало лишь на феодальное потребление, в качестве придатка крестьянской домашней промышленности» [4, с. 269]. Тогда же китайский торговый, купеческий капитал все больше обращается к производству. Именно монгольское правление, считает Г.И. Сафаров, «создало территориальный фундамент для развития китайской торговли в международном масштабе, расширило ее внутренние рамки... но не смогло справиться с противоречиями между феодализмом и торговым капитализмом, выросшими на новой исторической ступени» [4, с. 274]. Последнее обуславливалось тем, что городское развитие в Китае шло иным путем, чем на Западе. Китай в этом отношении следовал той же дорогой, что и вся Азия... В Китае город только однажды поднялся на борьбу против феодализма, когда носителем его оказались завоеватели – монголы. Но тогда была исключительная обстановка. На протяжении же большей части китайской истории город был не противовесом феодализму, а его опорой. Наступивший после свержения монгольского господства в Китае период Мин характеризуется Г.И. Сафаровым в целом как «новая феодализация» и «новое усиление феодальной эксплуатации» [4, с. 274; 3, с. 160]. Причины этого видятся автору не только в отмеченном положении китайского города и «варварских способах эксплуатации рабочей силы» и «хищнического истощения земли»,

но и во внешних, привходящих факторах. Таковыми он считает образование в Средней Азии империи Тимура в конце XIV в., а затем усиление турецкого господства на Ближнем Востоке в XV–XVI вв., что оборвало начавшие до этого успешно развиваться связи между Китаем и Западом. Фактором, приведшим отчасти к «возврату Китая в состояние средневековой замкнутости, называется также открытие европейцами Америки и постепенный перенос основной заинтересованности европейского торгового капитала с Востока на Запад, а также усиление японского пиратства у берегов Китая, что побуждало минское правительство прибегать к политике ограничения внешних морских сношений» [3, с. 160–163; 4, с. 274–276]. В результате, как полагал Г.И. Сафаров, солидаризируясь с англоязычным китайским автором Чжун Сусе, «Китай вступил в период внутреннего беспорядка, парализовавшего внешнюю торговлю. Доступ в Небесную империю – как сухопутный, так и морской – был загражден... Транзитные пути (по суше. – А.Б.) стали непроходимыми вследствие войны между сторонниками Мин и монголами» [4, с. 276–277]. Г.И. Сафаров, опять-таки солидаризируясь с названным китайским автором, считает, что «беспримерная активность китайцев в южных морях» в начале XV в., т.е. экспедиции китайского флота под руководством Чжэн Хэ, «была не совсем такой, чтобы благоприятствовать торговым отношениям с Западом... Пользуясь своим преобладающим положением, Китай успешно расширял свои торговые сношения с прибрежными странами, лежащими на юг от него... Но, к несчастью, торговые отношения Китая с западным миром находились в состоянии застоя весь XV век» [4, с. 277].

Появление на Дальнем Востоке первых европейских «авантюристов» в начале XVI в., по мнению Г.И. Сафарова, способствовало оживлению отмеченных отношений. Но поведение пришельцев, занимавшихся больше пиратством, чем торговлей, лишь подталкивало Китай к самоизоляции, к «возврату в состояние средневековой замкнутости» [3, с. 162–163]. Ограничение и упадок торговли вели к ее превращению в «придаток феодального и ростовщического господства. Это была новая феодализация Китая – и в области земельных отношений, и в области торговли и ремесла, и в области внешних сношений, составлявших самую сильную сторону монгольской эпохи. В области управления и политической идеологии Минская эпоха ознаменовалась возвратом к «классическим образцам», «к „самобытным“ началам бюрократически организованного феодализма и к конфуцианству» [3, с. 164–165].

Г.И. Сафаров считал также, что эпоха Мин характеризовалась «острым кризисом барщинного хозяйства, проявившегося в процессе все большего дробления землепользования при господстве крупного землевладения». Это дополнялось злоупотреблениями со стороны властей, а также появлением во второй половине XV в. «царских хуторов» – крупных землевладений вместе с находившимися там крестьянами, принадлежавших членам правящего императорского дома. Фаворитизм и разложение правящей верхушки также способствовали нараставшему общему кризису. «Сгнившая по гаремам верхушка представляла собой пустышку с выхолощенной волей, лишенную

ума» [3, с. 177]. Среди явлений, обострявших социальные противоречия в стране в период Мин, Г.И. Сафаров, солидаризируясь с Э. Паркером, отмечает усиление здесь такого явления, как рабство: «В период Минской династии... обычай накапливать большое количество рабов в частных семьях снова получил распространение» [4, с. 286]. Все это в совокупности привело к широкому народному восстанию, и «Минская династия позорно кончилась, не сумев даже защитить себя хотя бы одним жестом» [3, с. 177].

Принципиально иной подход к оценке места периода Мин в истории Китая обозначился в послевоенные годы. Н.И. Конрад в вышедшем в 1957 г. 3-м томе «Всемирной истории» отмечал, что монгольские завоевания в целом и завоевание Китая в частности вызвали «гигантские разрушения... Завоеванная страна фактически была предоставлена произволу отдельных монгольских военачальников, управлявших теми или иными районами и беспощадно эксплуатировавших китайское население» [5, с. 525–530]. Хотя аппарат управления Китаем был оставлен ими прежним, но в целом он был изъят из рук самих китайцев и частично передоверен чужеземцам из центральноазиатских районов, служившим монгольскому двору. При хане Хубилае (1260–1294) были предприняты шаги в сторону нормализации положения в стране на прежних китайских основах, но «эффект от подобных мероприятий был, однако, невелик... монгольская знать, осевшая в Китае, захватывала земли с работавшими на них крестьянами и старалась только выжать как можно больше доходов. О развитии сельского хозяйства она и не помышляла... Положение крестьян в поместьях резко ухудшилось. Крестьяне утрачивали даже те остатки личной свободы, которые они сохраняли в позднетанское и сунское время (IX–XIII вв. – А.Б.)» [5, с. 529–530].

Что же касается развития китайской внешней торговли при монгольской династии Юань, то Н.И. Конрад отмечает, что она была передана монголами «в руки объединенных в компании мусульманских купцов, преимущественно персов и таджиков», а обустройство и налаживание путей сообщения с зарубежными странами обуславливалось главным образом образом военно-стратегическими, а не экономическими соображениями [5, с. 525]. Кроме того, китайские торгово-ремесленные объединения были обязаны бесплатно отдавать монгольским властям часть своих товаров [5, с. 530]. Все это обусловило общий упадок страны [5, с. 531].

В связи с вышеизложенным Н.И. Конрад считает вполне закономерным то недовольство, которое существовало во всех слоях китайского общества в период Юань и со временем вылилось в широкое повстанческое движение. Говоря о воцарении династии Мин, изгнавшей монгольские власти из Китая, он пишет: «Так было свергнуто монгольское иго, тяготевшее над китайским народом около столетия» [5, с. 533]. Характеризуя начальный этап периода Мин, Н.И. Конрад отмечает «существенные изменения», проведенные в административно-управленческой системе страны, и реорганизацию армии в конце XIV в. при первом минском императоре Чжу Юаньчжане, а также успехи в освоении морских торговых путей в начале XV в. в результате экспедиций китайского флота под руководством Чжэн Хэ, равно как и прочие успехи во внешней политике страны, укрепление ее

могущества. Констатируются также сдвиги в управлении деревенским сектором экономики, приводившие к проникновению туда торгового капитала из города, что вело как к усилению товарно-денежных отношений в деревне, так и к усилению эксплуатации основной массы крестьянства [5, с. 535–536]. Делается также вывод и о появлении в Китае «элементов капиталистического производства» и сил, которые уже с XVI в. подтачивали сложившийся здесь феодальный строй [5, с. 537; 6, с. 318].

Вторая половина периода Мин (XVI – сер. XVII в.) во «Всемирной истории» (т. IV) освещается Л.И. Думаном. Здесь отмечается, что Китай того времени представлял собой обширную и могучую державу, оказывающую политическое и культурное влияние на сопредельные края. В стране шло развитие производительных сил и в области ремесла и товарного производства, и в прогрессе техники земледелия и денежных отношений. Наблюдался рост городов и интенсификация внутренней торговли, освоение китайскими колонистами района Южных морей, расширение внешней морской торговли с зарубежными странами. Новыми достижениями в период Мин обогатилась и китайская материальная и духовная культура. Поэтому можно говорить о появлении в данное время в стране элементов новых, капиталистических отношений. Но в то же время здесь продолжали действовать факторы, тормозившие общественное развитие. В первую очередь это сохранившаяся высокая степень эксплуатации основной массы населения – крестьян, процесс перераспределения земли и рост крупной земельной собственности политической и социальной верхушки общества, сохранение подконтрольной властям общинной организации в деревне и городе, наличие и расширение казенного, управляемого государственными властями производства. Неблагоприятными для Китая факторами во внешнеполитической ситуации оставались нападения «японских пиратов», появление в начале XVI в. у берегов Китая первых европейских конкистадоров, обострение вооруженной борьбы со вновь усилившимся в середине XVI в. давлением со стороны монголов и, наконец, все нараставшая опасность со стороны объединившихся в союз в конце XVI – начале XVII в. маньчжурских племен. Постепенное обострение классовых противоречий, связанное с усилением эксплуатации как сельского, так и городского населения, внутренние противоречия в среде господствующих слоев общества породили во второй четверти XVII в. мощное народное антиправительственное движение, похоронившее империю Мин, что, в свою очередь, помогло маньчжурским завоевателям установить в Китае свою власть [7, с. 618–649].

Приход к власти в Китае после падения династии Мин маньчжурских завоевателей расценивается как весьма негативное явление, отбросившее страну назад, поскольку сопровождалось разрушением производительных сил страны, массовым истреблением китайского населения, разрушением многих городов [8, с. 304]. Касаясь же более раннего, Минского периода истории, в частности XVI–XVII вв., Л.В. Симоновская отмечает, что он оставался к середине 60-х годов XX в. еще довольно мало изученным исследователями: недостаточно выявленными и спорными оставались основные закономерности и специфические черты в жизни китайского

общества того времени, не было ясности в трактовке отдельных китайских терминов, встречающихся в тогдашних исторических источниках [9, с. 3].

Характеризуя этот период истории Китая, Л.В. Симоновская исходит из позиции, близкой к оценкам, высказанным И.Н. Конрадом и Л.И. Думаном, отмечавшими наличие в минском Китае как положительных тенденций, так и отрицательных явлений. Производительные силы в сельском хозяйстве Китая к XVI–XVII вв. достигли большой высоты. Производилось большое количество самых различных продовольственных культур, зерновых, овощей и фруктов, продуктов животноводства, чая, сахара, специй, растительного масла и т.д. Урожайность была высокой, выше, чем в европейских странах. Из технических культур помимо замечательных китайских шелков к описанному времени широкое распространение получил хлопчатник, а на юге страны еще и табак. Заметный прогресс наблюдался и в городских ремеслах, была усовершенствована техника плавки железа, применялись довольно совершенные для своего времени механизмы – подъемные, прессовочные и т.д. Значительной высоты достигли строительное мастерство, производство оружия. Оставалось традиционно высоким китайское художественное ремесло. На новую высоту поднялось кораблестроительное дело. Расширилась добыча различных руд, каменного угля и соли. Интенсивно развивалась внутренняя торговля. Наряду с городами – административными центрами появились и своеобразные города-посады, где торговля ограничивалась и контролировалась властями меньше, чем в первых. Несмотря на все ограничения и дотошный контроль со стороны государственных властей, развивалась и частная морская торговля. Появились отдельные признаки складывания единого всекитайского рынка. В городах развивалась научная мысль, пополнявшая практические знания, процветали искусство и литературное творчество.

Отмеченные явления, по мнению Л.В. Симоновской, позволяют утверждать, что конец XIV – начало XV в. были временем экономического расцвета и подъема культуры Китая, несмотря на то что государственный аппарат и военная организация империи Мин строились по образцу существовавших здесь прежних феодальных империй, со сравнительно большим, чем прежде, усилением централизации [11, с. 90].

Этот вывод противопоставляется той негативной оценке, которая дается Л.В. Симоновской временам господства в Китае монгольской власти. Та эпоха характеризуется как «монгольское иго», итогом которого были разорение страны и упадок экономики, ярко обозначившийся к середине XIV в. [12, с. 156–158; 13, с. 124–127]. Что же касается характеристики китайского общества XV–XVII вв. в целом, то оно определяется как позднефеодальное, где уже имеются элементы разложения феодальных порядков и появляются элементы развития новой, капиталистической формации [14, с. 49–50].

Из мешавших дальнейшему прогрессивному развитию страны факторов называется опять-таки чрезмерная эксплуатация основных производителей – крестьян, а также сохранявшаяся во многом рутинная техника сельскохозяйственного производства. Росло налоговое бремя, шло перераспределение земли в пользу крупных земельных собственников. Развитию городского

ремесла препятствовала жесткая система регламентации и учета со стороны властей. Ограничивалась внешняя торговля. Было утрачено приобретенное в начале периода Мин преимущество Китая на морских торговых путях в Индийском океане. Политический строй страны сохранял черты восточной деспотии, к чему добавлялись усиливавшееся разложение и коррумпированность правящей верхушки [10, с. 48, 51, 57, 61, 63–64]. Все это вместе взятое наряду с неудачными попытками встать на путь реформ, которые могли бы облегчить общее положение, и определяло нарастание кризиса, приведшего к широкому народному восстанию и падению династии Мин под ударами вторгнувшихся с севера маньчжуров [12, с. 137].

Э.Г. Стужина на примере анализа китайского ремесла и промыслов XIV–XVIII вв. приходит к выводу, что в означенное время здесь имела место отчетливо выраженная, хотя и медленная, трансформация в поступательном направлении. Причем наиболее заметно это движение именно в XVI – первой половине XVII в., т.е. во времена империи Мин. Применительно к этому периоду можно говорить о зарождении здесь капиталистических отношений. Но в конце XVII–XVIII в., т.е. во времена империи Цин, эта тенденция встречает все больше препятствий, а в середине XVIII в., во время маньчжурского завоевания вообще прерывается на некоторое время [15, с. 222].

Н.И. Фомина в целом присоединяется к мнению, высказанному Л.В. Симоновской и Э.П. Стужиной, отмечая при этом, что наиболее заметные ростки нового наблюдались в конце XVI – начале XVII в. не по всей стране, а прежде всего в юго-восточных провинциях страны, наиболее развитых в социально-экономическом отношении. Соответственно, маньчжурское завоевание, погубившее империю Мин, расценивается Н.И. Фоминой как принесшее стране «консервацию наиболее застойных экономических форм, усугублявшихся усилением политического и национального гнета [16, с. 36–40, 227].

Л.А. Боровкова, говоря о предыстории появления династии Мин, подчеркивает сугубо разрушительную роль монгольского завоевания Китая, особенно тяжело сказавшегося на судьбе северных районов страны. Приход к власти основателя династии Мин Чжу Юаньчжана был обеспечен не только общенародным недовольством чужеземным господством, но и поддержкой нового властителя господствующими слоями китайского общества, прежде всего из южной части страны. После же прихода к власти Чжу Юаньчжан и его ближайшее окружение восстановили «старые формы и методы угнетения крестьянства» [17, с. 6, 175–176].

Н.П. Свистунова констатирует обострение социально-экономических противоречий в монголо-китайской империи Юань в первой половине XIV в. и отмечает, что господство монгольских завоевателей вызывало недовольство всех слоев китайского народа [18, с. 14]. После же воцарения династии Мин в политике новых властей в основной сфере хозяйства – аграрной наблюдаются неоднозначные процессы. С одной стороны, возрастают и укрепляются фонды государственной земли, с другой – дан (после первоначальных ограничений) простор для роста крупной земельной частной собственности, с третьей – наблюдается дальнейшее расширение свободных

крестьянских земельных владений [18, с. 34–36, 69, 71–73]. Анализ же финансовой политики минских властей приводит автора к выводу, что с последней четверти XV в. быстро растет задолженность государственной казны, купеческое сословие все более эксплуатируется властями (прежде всего местными). В правящих чиновных кругах растет коррупция, наблюдаются неспособность правительства справляться с насущными делами, всевластие и бесконтрольность придворных клик [19, с. 23].

В.В. Малявин отмечает, что главной целью пришедшего к власти первого императора из династии Мин было создание прочного централизованного государства, полностью послушного его воле. В результате китайский абсолютизм поднялся на неизвестную прежде высоту. Одновременно был усилен непосредственный государственный контроль над основной массой населения. Вместе с тем тогда же в стране была создана стройная военная организация, и в течение XV–XVI вв. Китай в целом переживал экономический подъем [20, с. 23, 26]. Однако последующее усиление эксплуатации крестьянских масс, ведущее к их обнищанию, вело к подрыву финансовой базы страны. Это привело к медленному, но неуклонному упадку империи Мин. Ее положение в XVI в. осложнялось и обострением внешнеполитической ситуации: нарастающим давлением со стороны монголов, процветанием пиратства на морском побережье, нападениями консолидировавшихся на северных рубежах маньчжуров. Все это в сочетании с усиливающимися с 20-х годов XVII в. восстаниями внутри страны привело к гибели Минской державы [20, с. 27].

О.Е. Непомнин в работе, посвященной более позднему периоду в истории Китая, касается и основных моментов в развитии страны в XV–XVII вв. Здесь отмечается, что с середины XVI в. в Китае наблюдается рост производительных сил: достигают расцвета целый ряд промыслов – шелкоткачество и производство фарфора, бумаги, а также добыча полезных ископаемых, судостроение, производство сахара и масел, книгопечатание. Новации наблюдаются и в технике ремесленного производства. К XVII в. определяется специализация разных районов и городов на производстве той или иной продукции. Прогрессирует сама структура городского ремесла: появляются довольно крупные предприятия и наемный труд. В XVI–XVII вв. происходит подъем городской экономики. Можно также говорить о некотором раскрепощении (в переносном смысле. – *А.Б.*) крестьян и ремесленников с приходом к власти династии Мин. Все это позволяет констатировать возникновение ростков капиталистического производства еще в 60–70-е годы XVI в., в первую очередь в юго-восточных районах страны. Отмеченные качественные сдвиги в городах влияли на прогресс в сельском хозяйстве, в частности, расширялись посевы технических культур, совершенствовалась агротехника, сельскохозяйственные орудия, возрастала продуктивность. В отдельных районах оно втягивалось в орбиту товарно-денежного хозяйства [21, с. 23–27].

Вместе с тем в совместной работе О.Е. Непомнина с В.Б. Меньшиковым отмечается, что ни в начале XVI в., ни в последующие два столетия сравнительно регулярное общение европейских стран с Китаем не оказывало

на последний никакого сколько-нибудь серьезного воздействия. Отрицательную роль здесь играла изоляционистская политика пекинских властей. Внешняя торговля оставалась неразвитой. Поэтому «экспорт» в Китай товарно-денежных отношений капиталистического типа «не накладывался на соответствующие процессы естественного саморазвития китайского общества и, понятно, не мог их стимулировать» [22, с. 51].

В вышедшем в 1998 г. учебнике для студентов профильных вузов «История Китая» воцарение династии Мин определяется той негативной ситуацией, в которой оказалась страна под властью монгольских завоевателей. Автор раздела о монгольском владычестве в Китае З.Г.Лапина считает, что само развитие процветавшей прежде страны было повернуто вспять: значительно сократилось население (к середине 30-х годов XIII в. на севере империи – в 10 раз), экономика пришла в упадок, образовался большой разрыв в культурных традициях правящего и привилегированного монгольского меньшинства с основной массой китайского народа, китайская политическая элита была отстранена от управления, основная масса исконного населения подвергалась всевозможным ограничениям. Наблюдавшееся с годами постепенное приобщение монгольской элиты к китайской культуре и управленческим порядкам в целом не изменило общей ситуации, и к середине XIV в. империя Юань пришла в полный упадок, приведший ее к падению [23, с. 232–234, 236, 240].

В разделе о периоде Мин его автор, А.А. Писарев, подчеркивает особую роль основателя династии Чжу Юаньчжана в становлении и последующем функционировании новых порядков в стране. В их основу были положены принципы, выработанные еще во времена правления в Китае династии Тан (618–907). Но наряду с этим сохраняется и влияние некоторых образцов периода Юань. Основатель стремился всемерно укрепить монаршую власть и опереться на деревенскую общину наделенных землей крестьян. Вместе с тем он испытывал недоверие к высшему слою чиновной знати, что выливалось в беспрецедентные по своей массовости в истории страны репрессии против правящей элиты. Альтернативную опору в верхах Чжу Юаньчжан пытался найти в лице своих многочисленных сыновей, которым он стал раздавать под надзор и управление уделы в разных частях страны [23, с. 243–244, 248].

В начальное время периода Мин в стране, как отмечает автор, поднимаются на новую высоту культура земледелия и его продуктивность, растут города, совершенствуются строительное дело и многие другие отрасли ремесленной промышленности, развиваются внешние связи. Однако примерно со второй половины XV в. подъем постепенно сменяется упадком, причиной чему явились, как и в прежние времена, перераспределение земли, рост расходов государства и связанное с этим повышение налогов, а также рост населения, обгонявший возможности его обеспечения, и деформация власти, выражавшаяся в возобладании при дворе временщиков, усилении коррумпированности всех звеньев управленческого аппарата, неудаче попыток поправить положение с помощью реформ. В начале же XVII в. в стране наблюдается глубокий внутренний кризис, усугублявшийся внешней угрозой со

стороны маньчжуров [23, с. 249–256, 260]. Время же после падения империи Мин (конец XVII – XVIII в.) характеризуется как этап постепенного возрождения Китая после тяжелых потерь, вызванных предшествующими внутренними смутами и нашествием маньчжуров [23, с. 267].

В обобщающем труде «История Востока» история Китая в период Мин (автор А.А. Бокщанин) подразделяется на два раздела: конец XIV–XV в., и XVI – середина XVII в. Здесь отмечается, что приход к власти нового правительства в 1368 г. сопровождался целым рядом реформ: центрального и местного административного управления, военного командования и армии, спецслужб и цензорского надзора, в результате чего все нити управления страной сосредоточились непосредственно в руках императора; но со временем достигшее в конце XIV в. своего апогея единовластие постепенно снова вошло в рамки определенных ограничений, выработанных многовековой китайской традицией. Мелкокрестьянское хозяйство, закрепленное реестровым учетом конца XIV в., постепенно сужалось в ходе все усиливавшегося процесса перераспределения земли. Однако вплоть до конца XV в. в стране не возникало сколько-нибудь существенной кризисной ситуации в аграрном строе. Отмечается развитие ремесленных промыслов, в частности появление крупных мастерских, управлявшихся частными хозяевами, возникновение своеобразных цеховых организаций ремесленников и торговцев. Вместе с тем отмечается, что китайское общество оставалось, как и прежде, жестко иерархическим и стратифицированным. Несмотря на ликвидацию в конце XIV в. наиболее одиозных порядков, привнесенных монгольским владычеством, уже к концу упомянутого столетия выявилась невозможность поддержания избранного основателем династии Мин курса: постепенно ослабевала самодержавность власти императора, росли налоги, шло перераспределение земли. Однако вплоть до конца XV в. негативные процессы не приводили империю к сколько-нибудь явному кризису [24, т. II, с. 529, 534, 536, 538, 542, 545].

После означенного рубежа можно проследить начавшуюся деформацию власти: уклонение императоров от своих обязанностей, фаворитизм, появление и противоборство в правящих верхах различных группировок и клик, склоки и интриги при «малых дворах» (в удельных владениях императорских родичей), разложение армии. Растут расходы казны, увеличиваются налоги. В процессе перераспределения земли растет крупная земельная собственность. Но вместе с тем крепнет и набирает силу городская экономика, повышаются роль и состоятельность городской торгово-промышленной верхушки, развиваются кредитно-денежные отношения, расширяются внешнеторговые связи, сохраняется и дополняется высокий уровень духовной и материальной культуры Китая. В целом в XVI – начале XVII в. страна переживала сложный и во многом противоречивый период своей истории. Говорить о нарастании социально-политического кризиса в полном смысле этого слова можно лишь с 20-х годов XVII в. Можно ли было найти выход из складывавшегося положения, сказать трудно, тем более что дальнейший ход развития был существенно изменен маньчжурским завоеванием [24, т. III, с. 268–272, 277–289, 293, 300–301].

Литература

1. *Рубин В.А.* Личность и власть в древнем Китае. М., 1999.
2. *Харнский К.* Китай с древнейших времен до наших дней. Хабаровск–Владивосток, 1927.
3. *Сафаров Г.И.* Очерки истории Китая. ОГИЗ, 1933.
4. *Сафаров Г.И.* Классы и классовая борьба в китайской истории. М.–Л., 1928.
5. *Конрад Н.И.* Народы Китая, Кореи, Японии и Индии в борьбе с монгольскими завоевателями. – «Всемирная история», т. 3. М., 1957.
6. *Конрад Н.И.* Культура. – «Всемирная история», т. 5. М., 1958.
7. *Думан Л.И.* Китай в XVI–XVII веках. – «Всемирная история», т. 4. М., 1958.
8. *Симоновская Л.В.* Китай под властью маньчжурской династии. – «Всемирная история», т. 5. М., 1958.
9. *Симоновская Л.В.* Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. М., 1966.
10. *Симоновская Л.В.* Великая крестьянская война в Китае (1628–1645). М., 1958.
11. *Симоновская Л.В., Зренбург Г.Б., Юрьев М.Ф.* Очерки истории Китая. М., 1956.
12. История стран Азии и Африки в средние века. Под ред. Л.В. Симоновской и Ф.М. Ацамба. М., 1968.
13. История Китая с древнейших времен до наших дней. Под ред. Л.В. Симоновской и М.Ф. Юрьева. М., 1974.
14. *Симоновская Л.В.* Основные черты истории средневекового Китая. – «Преподавание истории в школе». 1951, № 4.
15. *Стужина Э.П.* Китайское ремесло в XVI–XVIII веках. М., 1970.
16. *Фомина Н.И.* Борьба против Цинов на юго-востоке Китая (середина XVII в.). М., 1974.
17. *Боровкова Л.А.* Восстание «Красных войск» в Китае. М., 1971.
18. *Свистунова Н.П.* Аграрная политика династии Мин (XIV век). М., 1966.
19. *Свистунова Н.П.* Установления о соли и чае. М., 1975.
20. *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Этническая история китайцев на рубеже Средневековья и Нового времени. М., 1987.
21. *Непомнин О.Е.* Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая. М., 1966.
22. *Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б.* Синтез в переходном обществе. Китай на грани веков. М., 1999.
23. История Китая. Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998.
24. История Востока. Т. II. М., 1995; т. III. М., 1999.